

Вестник Костромского государственного университета. 2024. Т. 30, № 2. С. 213–217. ISSN 1998-0817

Vestnik of Kostroma State University, 2024, vol. 30, No. 2, pp. 213–217. ISSN 1998-0817

Научная статья

5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки

УДК 34

EDN UUEXDU

<https://doi.org/10.34216/1998-0817-2024-30-2-213-217>

РОЛЬ И ЗНАЧЕНИЕ ЮРИДИЧЕСКИХ ПРИНЦИПОВ ДЛЯ ПРАВОТВОРЧЕСКОЙ СТРАТЕГИИ

Кискин Евгений Владимирович, Аппарат Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации, Москва, Россия, evkiskin@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0000-1905-4752>

Аннотация. Статья посвящена роли и значению юридических принципов в правотворческой стратегии. Правотворческая стратегия рассматривается как перспективная коммуникативная модель, направленная на достижение желаемого состояния общественных отношений посредством ряда последовательных, эффективных и легитимных правотворческих решений, в ходе которых происходит оптимальное замещение элементов настоящего элементами проектируемого будущего. Автор выделяет несколько структур правотворческой стратегии, каждая из которых имеет свои особенности и взаимосвязи. Особое внимание уделяется роли юридических принципов в формировании и реализации правотворческой стратегии. Они представлены как ключевые элементы, обеспечивающие системную взаимосвязь между различными структурами стратегии и служащие основой для ограничения дискреции законодателя и легитимации проектируемого регулирования.

Ключевые слова: правотворческая технология, стратегия, правотворческая стратегия, юридические принципы, принципы права, полиструктурность, легитимация.

Для цитирования: Кискин Е.В. Роль и значение юридических принципов для правотворческой стратегии // Вестник Костромского государственного университета. 2024. Т. 30, № 2. С. 213–217. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2024-30-2-213-217>.

Research Article

THE ROLE AND SIGNIFICANCE OF LEGAL PRINCIPLES FOR LAW-MAKING STRATEGY

Evgeny V. Kiskin, Executive Office of the Federation Council of the Federal Assembly of the Russian Federation, Moscow, Russia, evkiskin@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0000-1905-4752>

Abstract. The article is devoted to the role and significance of legal principles in the law-making strategy. The law-making strategy is considered as a promising communicative model aimed at achieving the desired state of social relations through a number of consistent, effective and legitimate law-making decisions, during which the optimal replacement of the elements of the present elements of the future takes place. The author identifies several structures of the law-making strategy, each of which has its own characteristics and relationships. Particular attention is paid to the role of legal principles in the formation and implementation of a law-making strategy. They are represented as key elements that provide a systemic relationship between different strategy structures and serve as the basis for limiting the discretion of the legislator and the legitimisation of the drafted regulation.

Keywords: law-making technology, strategy, law-making strategy, legal principles, principles of law, polystructurality, legitimation.

For citation: Kiskin E.V. The role and significance of legal principles for law-making strategy. Vestnik of Kostroma State University, 2024, vol. 30, No. 2, pp. 213–217 (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2024-30-2-213-217>

В условиях растущей нестабильности социального мироустройства стратегический подход к правотворческой деятельности приобретает особую значимость.

Отталкиваясь от разработок коллег из ярославской юридической школы [Карташов, Бахвалов: 14], мы рассматриваем правотворчество как особую социальную технологию, а именно (и в этом отличие нашей точки зрения) как коммуникативную технологию. Она опосредует интеракции и на макроуровне (между властью и обществом, то есть субъектом правотворчества и адресатом нормативного текста), и на микроуровне (в процессе выработки и институционализации актов правотворчества).

Будучи составной частью правотворческой технологии, стратегия в нашем понимании предстает в виде перспективной коммуникативной модели, направленной на достижение желаемого состояния общественных отношений посредством ряда последовательных, эффективных и легитимных правотворческих решений, в ходе которых происходит оптимальное замещение элементов настоящего элементами конструируемого будущего.

В отличие от ряда отечественных ученых, мы не рассматриваем правовую стратегию только как деятельность [Голощапов: 12] или ее результат (правила [Ансофф: 68], юридические документы [Говорухина: 30] и т. д.).

Юридическая, в том числе правотворческая, стратегия, по нашему мнению, представляет собой комплексную гетерогенную систему, интегрирующую элементы разной природы. Соответственно, исследовать ее нужно в нескольких взаимосвязанных аспектах, в том числе:

- логико-гносеологическом (познавательном), связанном с познанием субъектами правотворчества и отражением в стратегии окружающей действительности, логики социальных закономерностей. С этой точки зрения правотворческая стратегия будет включать в себя ряд интеллектуальных артефактов (целей, задач, приоритетов и т. п.);

- аксиологическом (ценностном), означающем, что правотворческая стратегия всегда отражает конкретные социальные интересы и основана на определенной системе ценностей;

- деонтологическом (регулятивном), с позиций которого правотворческая стратегия как правовое явление имманентно нормативна, она упорядочивает деятельность субъектов правотворчества, ограничивает дискрецию законодателя;

- праксеологическом (деятельностном) – правотворческая стратегия как коммуникативная система выражается вовне как совокупность действий и интеракций субъектов.

Исследователи системного подхода дифференцируют понятия состава и структуры системы [Са-

готовский: 187–188]. Состав характеризует просто множество элементов, входящих в систему, в то время как структура фокусируется на взаимосвязях между этими элементами, их организации. Так как выбор определенного элемента в качестве исходной точки может привести к различным вариантам установления связей между элементами, то есть к разным структурам, это указывает на полиструктурность правотворческой стратегии.

Таким образом, каждому из указанных выше аспектов изучения стратегии будет соответствовать своя структура.

Компоненты логико-гносеологической структуры обеспечивают познание настоящего и структурирование желаемого будущего на основе такого познания. К их числу мы относим прежде всего цели, задачи, приоритеты, варианты достижения целей и решения задач, критерии отбора таких вариантов, прогнозы и планы.

Аксиологическую структуру составляют ценности, обусловленные интересами социума (социального института), воля которого отражается в актах правотворчества. Это могут быть социально-экономические, политические, нравственные и собственно юридические ценности.

Деонтологическую (нормативную) структуру образуют правила (требования) построения правотворческой стратегии, к числу которых мы относим юридические нормы, влияющие на построение стратегии (например, конституционные требования или международные обязательства – для законодательной стратегии, а также акты более высокого уровня – для стратегии подзаконного нормотворчества) и требования достижения социальной адекватности правотворческой стратегии (своего рода «технические» правила ее построения), например: адекватность, адаптивность, устойчивость, эффективное использование ресурсов, учет рисков и т. д.

Праксеологическая (деятельностная) структура представлена компонентами, отражающими взаимодействие субъектов в процессе выработки и реализации правотворческой стратегии: это адресат и адресант правотворческой коммуникации, между которыми происходят интеракции, а также предмет такой коммуникации (акт правотворчества), ее средства и каналы, коммуникативный код (в том числе язык права, правовые конструкции) и т. п.

Как мы отметили выше, структуру правотворческой стратегии как системы характеризует не набор компонентов, а связи между ними. Именно они придают системе интегративные качества. При этом отношения между компонентами системы не равнозначны, они могут быть субординированы [Сагатовский: 331].

По нашему мнению, стержневым, иерархически доминирующим отношением между компонентами

правотворческой стратегии являются юридические принципы – базисные нормативно-логические модели наиболее общего характера, определяющие сущность и направленность правового регулирования.

Сказанное корреспондирует общесистемному пониманию принципа как отношения, от которого зависят все другие отношения системы [Сагатовский: 332]. Кроме того, *communis opinio doctorum* состоит в том, что правовые (юридические) принципы являются ядром правового регулирования [Коновалов: 8–10].

Системообразующее значение юридических принципов для правотворческой стратегии обусловлено, по нашему мнению, также общностью их природы. Как верно заметил Г.Г. Почепцов, специфика стратегии в том, что она видит будущее и настоящее одновременно. Посредством стратегии происходит накопление элементов будущего в настоящем, притом таких элементов, которые позволяют осуществить наиболее оптимальный переход к этому будущему [Почепцов: 40].

Принципы также сближают будущее и настоящее. С одной стороны, они ретроспективны, поскольку обусловлены спецификой юридического типа нормативной регуляции, а также предопределены параметрами конституционного строя конкретного государственно организованного социума. С другой стороны, принципы перспективны, ибо они задают направленность дальнейшего правового регулирования.

Будучи солидарными относительно оценки принципов как исходных руководящих начал, отечественные ученые расходятся во мнении относительно их онтологического статуса. Мнения кардинально противоположны: одни исследователи считают правовые принципы объективными закономерностями [Кашанина: 259–260; Протасов, Протасова: 517], тогда как другие – порождением профессионального сознания юристов [Скурко: 26].

Наше мнение основано на постулируемой нами коммуникативной природе права. В таком понимании юридические принципы, функционируя в коммуникативной среде, представляют собой единство объективного и субъективного начал. По своей информационной сущности правовая коммуникация является процессом приёма и передачи информации о должном поведении. Следовательно, принципы, изначально опосредуя объективные закономерности правовой материи, преобразуются и воспринимаются в сознании людей в процессе правовой коммуникации (оценивание, соотнесение с иными социальными ценностями) и становятся руководящими идеями – абстрактно-всеобщими моделями поведения.

Коммуникативный подход к природе права позволяет ответить на важный вопрос о структуре юридических принципов, который практически не исследован

в российской науке. Исходя из описанной нами выше онтологии принципов, мы выделяем в их структуре три базовых компонента: ценность (как отражение определенных социальных интересов), идею (как продукт человеческого мышления, отражающий ценность в виде обобщённой формулы) и требование (правило – собственно юридический компонент, абстрактно-всеобщее выражение должноствования).

Такое строение принципа позволяет ему выступить в качестве сквозной, стержневой взаимосвязи в системе правотворческой стратегии и соединить все ее структуры, названные выше.

Многие авторы дифференцируют принципы позитивного права, официально закрепленные в законах и иных источниках, и юридические (правовые) принципы, включающие в себя также руководящие начала иных компонентов правовой системы: доктринальные принципы (компонент правосознания) и практически-прикладные принципы (часть юридического опыта) [Карташов: 158].

Мы считаем, что при оценке допустимости такой классификации следует опираться на регулятивную природу права, его нормативный (в широком смысле) характер. Право описывает не сущее, а должное. Поэтому принципы по сути своей всегда прескриптивны и в таком качестве суть компоненты правового типа социальной регуляции. Кроме того, например, в общем праве (*common law*) практика является одним из источников позитивного права. Соответственно, названное выше деление видится нам не имеющим особого практического значения.

Кроме того, с точки зрения внешнего выражения в позитивном праве принцип чаще всего является не единичной нормой, а институтом, системой норм.

На наш взгляд, большей эвристической ценностью будет обладать дифференциация принципов по степени их когентности, которая, в свою очередь, зависит от иерархии ценностей, существующей в данной правовой системе.

Возможно выделить два типа принципов: принципы-императивы (которые подлежат обязательному исполнению, и несоблюдение которых делает всю правотворческую деятельность ничтожной и (или) нелегитимной) и принципы-стандарты (которые устанавливают оптимальные или рекомендуемые требования, однако их нарушение существенно снижает качество результатов правотворчества и, как следствие, также влияет на степень легитимности предписаний). Оба этих класса принципов имеют важное значение при разработке правотворческой стратегии.

Поскольку одна из функций правотворческой стратегии состоит в рациональном выборе правотворческих решений для достижения поставленных целей и решения задач, то, соответственно, она включает в себя критерии такого выбора. Юридические

принципы (и императивы, и стандарты) выступают одним из таких критериев.

Например, особую значимость имеет такой императив, как принцип формальной определенности правовых норм. Как неоднократно указывал Конституционный суд Российской Федерации, данное требование вытекает из конституционных основ правового государства, верховенства закона и юридического равенства, предполагает, что механизм действия норм должен быть понятен субъектам соответствующих правоотношений из содержания конкретного нормативного положения или системы находящихся в очевидной взаимосвязи нормативных положений. Эти положения, по мнению Конституционного суда, относятся к универсальным началам законодательного регулирования и правоприменения, вытекающим из статей 1 (часть 1), 18, 19 (части 1 и 2), 46 (части 1 и 2) и 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации. Законоположения, по своему содержанию или по форме не отвечающие указанным началам, порождают противоречивую правоприменительную практику, создают возможность их неоднозначного толкования и произвольного применения и тем самым ведут к нарушению закрепленных статьями 45 и 46 (части 1 и 2) Конституции Российской Федерации гарантий государственной, в том числе судебной, защиты прав, свобод и законных интересов граждан¹.

Значение принципов для правотворческой стратегии обусловлено также такими их функциями, как ограничение дискреции законодателя и легитимация правотворческих решений. Ведь именно в достижении эффективного и социально оправданного (легитимного) правового регулирования видится одна из главнейших задач правотворческой стратегии.

Бельгийский правовед Люк Винтенс (Luc Wintgens), развивая легиспруденцию как теорию рационального законотворчества, видит в качестве составной части процесса легитимации обоснование проектируемого регулирования посредством оценки моральных и политических ограничений свободы. Автор постулирует четыре принципа оправдания закона: принцип альтернативы, принцип интенсивности правового воздействия, принцип историчности и принцип согласованности (связанности).

Принцип альтернативы означает, что установление внешних ограничений свободы должно оправдываться альтернативой распада социальных взаимосвязей при отсутствии таких ограничений. Иными словами, нормативное вмешательство законодателя оправдано в том случае, если его отсутствие порождает большее социальное зло.

Принцип интенсивности правового воздействия: в особом обосновании (оправдании) нуждается устанавливаемый законодателем юридический режим, со-

четание дозволений, запретов и позитивных обязанностей, а также вводимые санкции.

Принцип историчности характеризует временное измерение правотворчества, его соответствие наличным социальным реалиям, а также необходимость пересмотра правового регулирования в случае существенного изменения обстоятельств.

И, наконец, принцип согласованности (когерентности) означает динамическое единство и взаимосвязанность всех норм правового массива, но в отличие от системности, являющейся исключительно качественной характеристикой, когерентность может быть присуща системе в большей или меньшей степени [Wintgens: 10-16].

Итак, значение юридических принципов для правотворческой стратегии может быть описано тремя их базовыми функциями:

- обеспечение системной взаимосвязи компонентов правотворческой стратегии;
- ограничение дискреции законодателя и задание исходных рамок для отбора правотворческих решений;
- легитимация (оправдание) проектируемого регулирования.

Примечания

¹ См.: постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 20 апреля 2009 года № 7-П, от 6 декабря 2011 года № 27-П, от 29 июня 2012 года № 16-П, от 14 мая 2013 года № 9-П.

Список литературы

- Ансофф И.* Стратегическое управление. Москва: Экономика, 1989. 519 с.
- Говорухина Ю.В.* Стратегия как правовой документ: дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2021. 226 с.
- Голощанов А.М.* Конституционные основы становления государственно-правовой стратегии: дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2004. 191 с.
- Карташов В.Н.* Принципы права: понятие, структуры, функции // Юридическая техника. 2020. № 14. С. 158–166.
- Карташов В.Н., Бахвалов С.В.* Правотворческая практика субъектов Российской Федерации (некоторые проблемы законодательной технологии). Ярославль: Ярославский государственный университет, 2007. 240 с.
- Кашанина Т.В.* Структура права. Москва: Проспект, 2014. 580 с.
- Коновалов А.В.* Принципы права. Москва: Норма, 2022. 792 с.
- Почепцов Г.Г.* Стратегия. Инструментарий по управлению будущим. Москва: Рефл-бук; Киев: Ваклер, 2005. 384 с.

Протасов В.Н., Протасова Н.В. Лекции по общей теории права и теории государства. Москва: Городец, 2010. 751 с.

Сагатовский В.Н. Основы систематизации всеобщих категорий. Томск: Изд-во Томского университета, 1973. 432 с.

Скурко Е.В. Принципы права. Москва: Ось-89, 2008. 189 с.

Wingens, Luc J. *Legisprudence as a New Theory of Legislation*. Ratio Juris, 2006, vol. 19, No. 1, pp. 1-25.

References

Ansoff I. *Strategicheskoe upravlenie* [Strategic management]. Moscow, Ekonomika Publ., 1989, 520 p. (In Russ.)

Goloshchapov A.M. *Konstitucionnye osnovy stanovlenija gosudarstvenno-pravovoj strategii* [Constitutional foundations for the formation of state-legal strategy]: dis. ... kand. jurid. nauk. Moscow, 2004, 191 p. (In Russ.)

Govoruhina Ju.V. *Strategija kak pravovoj dokument* [Strategy as a legal document]: dis. ... kand. jurid. nauk. Nizhny Novgorod, 2021, 226 p. (In Russ.)

Kartashov V.N. *Principy prava: ponjatie, struktury, funkcii* [Principles of law: concept, structures, functions]. *Juridicheskaja tehnika* [Legal technology], 2020, No. 14, pp. 158-166. (In Russ.)

Kartashov V.N., Bahvalov S.V. *Pravotvorcheskaja praktika sub"ektov Rossijskoj Federacii (nekoto-*

rye problemy zakonodatel'noj tehnologii) [Law-making practice of the constituent entities of the Russian Federation (some problems of legislative technology)]. Jaroslavl', 2007, 240 p. (In Russ.)

Kashanina T.V. *Struktura prava* [Structure of law]. Moscow, Prospekt Publ., 2014, 580 p. (In Russ.)

Kononov A.V. *Principy prava* [Principles of law]. Moscow, Norma Publ., 2022, 792 p. (In Russ.)

Pochepcov G.G. *Strategiya. Instrumentarij po upravleniyu budushchim* [Strategy. Future Management Toolkit]. Moscow, Refl-buk Publ., Kiev, Vakler Publ., 2005, 384 p. (In Russ.)

Sagatovskij V.N. *Osnovy sistematizacii vseobshchih kategorij* [Fundamentals of systematization of universal categories]. Tomsk, Izdatel'stvo Tomskogo universiteta Publ., 1973, 432 p. (In Russ.)

Skurko E.V. *Principy prava* [Principles of law]. Moscow, Os'-89 Publ., 2008, 189 p. (In Russ.)

Wingens, Luc J. *Legisprudence as a New Theory of Legislation*. Ratio Juris, 2006, vol. 19, No. 1, pp. 1-25.

Статья поступила в редакцию 02.05.2024; одобрена после рецензирования 15.05.2024; принята к публикации 17.05.2024.

The article was submitted 02.05.2024; approved after reviewing 15.05.2024; accepted for publication 17.05.2024.